

Ланселот. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!

Ланселот. Владимир Владимирович Набоков

[1]

1

Имя планеты – если она как-то наречена – роли не играет. Между ней и Землей, при самом благоприятном противостоянии, столько же миль, сколько лет прошло от зарождения Гималаев до прошлой пятницы, иначе говоря, помноженный на миллион средний возраст читателя. Глядя на нее сквозь телескоп фантазии, сквозь линзы слез, увидишь подробности не более удивительные, чем те, что мы наблюдаем на любой существующей планете. Этот пунцовый шар с туманно-мраморными прожилками – всего лишь одно из бесчисленных тел, прилежно описывающих круги в наводящем ужас текучем пространстве, бесконечном и безначальном.

Допустим, что maria[2] моей планеты (хоть это и не моря) и ее lacus[3] (которые вовсе не озера) тоже получили названия – не все такие постные, как сорта садовых роз, зато иногда еще менее подходящие, чем имена открывателей (ведь астроном Уранский – такая же редкость, как энтомолог Червиччи), чаще же всего настолько старомодные, что по своей сладкозвучной фальши могут тягаться с именами местностей из рыцарских романов. Подобно тому, как здесь у нас какой-нибудь Буковый Дол порадует глаз разве что обувной фабрикой по эту сторону шоссе да ржавым адом автомобильной свалки по другую, так и все эти соблазнительные Аркадии, Икарии и Зефирии планетных атласов обернутся, скорее всего, мертвыми пустынями, лишенными даже молочая, красящего наши помойки. Селенографы это подтвердят, а ведь линзы у них посильнее наших очков. Но вот взгляделись мы – и что же? Чем сильнее увеличение, тем больше размываются оспинки на поверхности планеты, словно это пловец глядит сквозь толщу полупрозрачной воды. И если какие-то пятна сочетаются в узор, отдаленно напоминающий лунки и линии на доске для китайских шашек, позвольте считать это геометрической галлюцинацией.

Ни одна из известных мне планет не получит и малейшей роли в моем повествовании (а оно видится мне чем-то вроде звездной карты), даже той, какую в нем играет последняя из точек. Мало того, я отказываюсь иметь что-либо общее с теми техническими пророчествами, о коих рапортуют репортеры со слов ученых. Не по мне этот рокот ракет, не по мне перспективы искусственных спутников и звездных полос для посадки космических кораблей («косможаблей») – одного, двух, трех, четырех, а там и тысяч мощных воздушных замков (каждый с камбузом и провиантом), запускаемых земными народами в сумбуре соревновательной лихорадки, поддельного тяготения и свирепо реющих знамен.

Что еще мне совершенно не понадобится, так это всякого рода специальное снаряжение – скафандры, кислородные аппараты и прочие подобные затейки. У меня, как и у г-на Бока-старшего, о котором мы вот-вот услышим, есть чудная способность давать отвод любым таким «практическим» деталям (будущим космолетчикам, таким, как единственный сын старого Бока, они все равно покажутся до смешного непрактичными). Чувства, вызываемые во мне любой техникой, колеблются в диапазоне от мрачного недоверия до болезненных судорог. Мне требуются героические усилия, чтобы заставить себя вывернуть лампочку, причина смерти коей осталась невыясненной, и вернуть другую, которая вспыхнет с мерзкой внезапностью проклюнутого на ладони драконьего яйца.

Наконец, я решительно отвергаю и отметаю так называемую «научную фантастику». Я в нее заглядывал и нашел ничуть не менее нудной, чем журналы для любителей детективов, – то же уныло-приземленное сочинительство с бездной диалогов и кипами юмора «в дорогу». Штампы, конечно, перекрашены, но они те же, по сути, для всякого дешевого чтива, разворачивается ли действие в гостиной или во Вселенной. Они подобны пирожным ассорти – разнообразием форм и оттенков хитрый производитель завлекает исходящего слюной клиента в сети шальных павловских рефлексов, где метаморфозы внешнего вида (без удорожания!) сперва теснят, а потом и вовсе отменяют вкусовые качества; точно то же происходит с правдой и талантом. Вот почему хороший усмехается, плохой щерится, а благородное сердце скрывается за грубоватыми словечками. Все эти звездные короли и директора галактических лиг – точные копии тех рыжих и ражих вершителей самых что ни на есть земных дел на Земле, которые своими лучистыми морщинками украшают душеполезные рассказы из замусоленных иллюстрированных журналов в парикмахерских. У десантников, штурмующих Денеболу и Колос (альфа созвездия

Ланселот. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Девы), имена начинаются на Мак-; бесстрастный профессор обычно Штейн, ученым же дамам наравне с супергалактическими дивами даются имена отвлеченные, как, например, Виола или Валла. Всех «разумных» инопланетчиков, гуманоидов и мифообразных роднит одна особенность: нигде не описаны их детородные органы. Уступки приличиям двуногих доходят до того, что кентавры носят набедренные повязки – в области, правда, переднего паха.

Список того, чего здесь не будет, кажется, завершен – обсуждать проблему времени нет ведь желающих? Тогда, чтобы уже вплотную заняться Эмери Л. Боком, моим более или менее отдаленным потомком и участником первой межпланетной экспедиции (единственное скромное допущение в моем рассказе), я охотно разрешаю звездному Тарзану или героям других каких-нибудь атомных комиксов умелой лапой исправить честную единицу в цифре «1900» на претенциозную двойку или тройку. Неважно, будет ли это 2145 по Р. Х. или 200 по Р. А. Покушаться на чужую собственность у меня нет желания. Спектакль этот – чисто любительский, с минимумом декораций и случайной бутафорией вроде колючих останков дикобраза в углу старого амбара. Мы тут все свои – Брауны и Бенсоны, Уайты и Уилсоны, и когда кто-нибудь выходит покурить, то слышит стрекотанье кузнечиков и лай пса на дальнем хуторе (в паузах вслушивающегося в то, чего нам с вами не услышать). Летней ночью небо в месиве звезд. В двадцать один год Эмери Ланселот Бок знает о них неизмеримо больше, чем я, пятидесятилетний, на которого они наводят ужас.

2

Ланселот худ и высок, на загорелых предплечьях у него проступают рельефные сухожилия и чуть зеленоватые вены, на лбу – рубец. Когда он бездельничает – как вот сейчас, неудобно усевшись на краешке низкого кресла, сгорбившись и приподняв плечи, локтями упираясь в большие колени, – у него привычка медленно сплестать и расплестать кисти красивых рук – этот жест я для него позаимствовал у одного его предка. Вид у него всегда серьезный, тревожно-сосредоточенный (всякая мысль пробуждает тревогу, особенно в молодости), но сейчас это скорее личина, за которой скрывается неистовое желание отделаться от тянущейся неловкости. Улыбается он нечасто, да и «улыбка» – слово слишком гладкое для той внезапной судороги, что вдруг проблеснула, озарив его лицо и губы, плечи еще приподнялись, подвижные кисти, сплетаясь, замерли, и чуть дрогнув на ноге большой палец. Рядом сидят его родители и еще один случайный гость, нудный и глупый, который не понимает, что происходит и почему накануне сказочного старта воцарилась такая мрачность в помертвевшем доме.

Проходит час. Посетитель наконец поднимает цилиндр с ковра и уходит. Ланселот остается один на один с родителями, что только усиливает напряжение. Господина Бока я вижу довольно отчетливо. Но сколько ни погружаюсь в свой утомительный транс, разглядеть госпожу Бок сколько-нибудь ясно я не могу. Знаю, что ее напускное оживление (разговоры о пустяках, быстрые взмахи ресниц) предназначено не столько сыну, сколько мужу, у которого большое сердце. Причем старый Бок отлично видит ее уловки, и хотя самого грызет чудовищная тоска, надо ведь еще подыгрывать ее притворной беспечности: сиди она здесь убитая и раздавленная – и то было бы лучше. Мне слегка досадно, что не удастся различить ее черты. Я исхитряюсь уловить лишь игру света, расплывающегося в тумане ее волос, – тут я подпадаю, боюсь, под вкрадчивое влияние мастеровитых фотохудожников. Насколько было легче писать в те времена, когда твоё воображение не обступали бесчисленные наглядные пособия, и пионер-переселенец, впервые увидев вечные снега или кактус, не вспоминал немедленно рекламу шинной компании.

Что касается г-на Бока, то я обнаружил, что придал ему черты старого профессора истории, блестящего Медиевиста, чьи белые бакенбарды, розовая макушка и черный костюм славятся в некоем солнечном университетском городке на дальнем юге и который (помимо отдаленного сходства с моим покойным прадедушкой) имеет одно ценное качество для нашего рассказа – старомодную внешность. Будем перед собой честными – ничего нет удивительного в том, что одеждам и манерам иных времен (например, будущих) придается оттенок старомодности – какой-то неухоженности, невыужженности, запыленности, – ведь понятия «старомодный», «отживший» и тому подобные – это те уловки, которые одни, в конечном счете, помогают нам представить себе странное, никакими исследованиями не предвидимое Будущее – оно же бывшее навыворот.

В этой-то запущенной комнате, под лампой с бежевым абажуром, Ланселот обращается к родителям с последней просьбой. Он недавно привез из заброшенного уголка в Андах, где восходил на безымянную еще вершину, парочку молодых шиншилл –

Ланселот. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
пепельно-серых и невероятно пушистых грызунов размером с кролика (Nystricomorpha), длинноусых, круглозаденьких и вислоухих. Держит он их дома, в проволочном загончике, и кормит земляными орехами, рисовыми хлопьями и изюмом, а в качестве особого угощения – фиалками и астрами. Он надеется, что осенью зверьки дадут приплод. Вот он еще раз дает матери нерушимые предписания: чтобы корм для его любимцев всегда был свежий, клетка – сухая, да не забывать про ежедневную пыльную ванну (из тонкого песка, смешанного с толченым мелом) – кататься в ней и брыкаться для них верх наслаждения. Пока это обсуждается, г-н Бок снова и снова раскуривает трубку, потом откладывает ее в сторону. С видом благожелательной рассеянности старик время от времени повторяет озвученную пантомиму, которая, впрочем, никого не обманет, – прокашливается, закладывает руки за спину и дрейфует к окну или начинает сквозь зубы напевать что-то внемелодическое, и, словно движимый этим гнусавым моторчиком, отбывает, спотыкаясь, из гостиной. И только покинув сцену, сбрасывает с себя, весь дрожа, этот филигранно отработанный образ мурлыкающей кротости. Дойдя до спальни или до ванной, он замирает, словно прикладываясь, в малодушном своем одиночестве, жадным судорожным глотком к некоей потаенной склянке, и, упившись горем, бредет обратно.

На сцене, куда он тихонько возвращается, застегивая пуговицу на пиджаке и возобновляя свое гуляние, между тем ничего не изменилось. Теперь остаются уже считанные минуты. Перед уходом Ланс осматривает клетку, Шина и Шиллу он покидает сидящими на задних лапках, в передних у обоих по цветку. Об этих последних мгновениях я знаю только, что любые разговоры типа «Ты уверен, что не забыл шелковую рубашку, которую принесли из стирки?» или «Ты помнишь, куда положил новые шлепанцы?» – исключены. Все, что берет с собой Ланселот, уже находится в таинственном, неудобосказуемом и совершенно ужасающем месте, откуда он тронется в намеченный миг. Он больше не нуждается ни в чем, в чем нуждаемся мы, и выходит из дому с непокрытой головой и пустыми руками, с небрежной легкостью человека, который вышел за газетой – или восходит на триумфальный эшафот.

3

Земное пространство любит прикровенность. Максимум того, что оно уступит глазу, – это панорамный вид. Небосвод накрывает удаляющегося путника, словно крышка люка при замедленной съемке: остающимся не увидеть города на расстоянии дневного пути, хотя ничего не стоит разглядеть такие запредельности, как лунные цирки вместе с тенью от их кольцевых гребней. Фокусник, демонстрирующий небесную твердь, засучил рукава и ничего не таит от маленьких зрителей. Если планета и уплывает из поля зрения (как исчезают предметы за размытым изгибом скулы), она непременно возвратится, стоит Земле повернуть голову. Ночь страшна обнаженностью тьмы. Ланселот уже в пути; хрупкость его юного тела возрастает прямо пропорционально покрываемому расстоянию. Боки-родители смотрят с балкона в чреватое бесконечными опасностями ночное небо и безумно завидуют участи рыбацких жен.

Если надежны источники, которыми пользовался Бок, то имя Lanceloz de l' Lac впервые встречается в стихе 3676 «Романа телеги». [4] Ланс, Ланселен, Ланселотик – ласкательные имена, их шепчут при свете бьющих лучами соленых мокрых звезд. Рыцари, с отрочества приобщавшиеся к лютне, луку и ловитве; Лес Опасностей и Башня Скорби; Альдебаран, Бетельгейзе [5] – раскатистые громы сарацинских войн. Дивные бранные подвиги, дивные витязи, блистающие над боковским балконом в очертаниях грозных созвездий: сэр Перкар – Черный рыцарь, и сэр Перимон – Красный рыцарь, и сэр Пертолеп – Зеленый рыцарь, и сэр Перси – Индиговый рыцарь, и этот неотесанный старикан сэр Груммор Грумморсум, бормочущий себе под нос страшные северные проклятья. От подзорной трубы мало толку, карта отсырела и вся измята, и: «Ты не туда светишь» – это уже госпожа Бок.

Сделай глубокий вдох. Теперь еще взгляни.

Ланселота больше нет: так же мало надежды увидеть его в жизни, как в вечности. Ланселот изгнан из страны l'Eau Grise [6] (можем же мы так называть Великие Озера), и мчит теперь в пыли ночного неба почти с той же быстротой, с какой наша местная вселенная (с балконом и адски-черным, в оптических пятнах, садом) летит к созвездию Лиры короля Артура, где горит и манит Вега – одно из немногих небесных тел, опознаваемых на этой чертовой схеме.

От звездного тумана у Боков рябит в глазах – серое марево, кошмар, космофобия. Но оторваться от ужаса мироздания они не в силах, не в силах вернуться в

Ланселот. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
освещенную спальню, угол которой отражается в стеклянной двери. И вот встает, словно крошечный костер, та самая планета.

Там, правее – Мост Меча, перекинутый в Иномир («dont nus estranges ne retourne»), [7] Ланселот его одолевает ценой ужасной боли, непередаваемых страданий. «Пройдешь ли путем сим, Путем Погибели нареченным?». Но другой чародей возглашает: «Пройдешь! И примешь дар умного веселия, которое пронесет тебя через все испытания». Отважным Бокам-родителям кажется, что они могут различить Ланса, карабкающегося в шипованных ботинках по обледенелой скале неба или беззвучно прокладывающего лыжню по мягким снегам туманностей. Где-то между Лагерем X и Лагерем XI – Волопас, не что иное, как исполинский ледник, сплошь хаос и ледопады. Мы пытаемся разглядеть извилистую трассу восхождения; кажется, узнали Ланса по его худобе среди нескольких фигур в связке. Исчезли! Он это был или Дании (молодой биолог, лучший друг Ланселота)? В этой темной долине у подножия отвесных небес вспоминаем (госпожа Бок отчетливей, чем муж) особые названия глетчерных трещин и готических конструкций льда, которые Ланс, бывало, с таким профессиональным смаком произносил в своем альпинистском отрочестве (ныне он стал старше на несколько световых лет); морены и бергшрудны; грохот лавин – французское эхо накоротке с германским чернокнижием, как это водилось в средневековых романах.

А вот и снова он! Миновал теснину между звездами и теперь медленно начинает траверс утеса, до того отвесного и с такими ничтожными зацепками, что одна лишь мысль о нащупывающих их пальцах и подошвах, с них срывающихся, вгоняет в дурноту высотобоязни. И сквозь набегающие слезы старшие Боки видят: вот их Ланс один, словно Робинзон, на скальном выступе, вот опять карабкается, а теперь, чертовски неуязвимый, стоит с ледорубом и рюкзаком на пике пиков, целеустремленный профиль обведен сиянием.

Или он уже двинулся вниз? Вестей от путешественников нет – это ясно, и Боки продолжают свои душераздирающие бдения. Для тех, кто ждет сына, любая трасса его спуска ведет в пропасть отчаяния. Но может быть, он перевалил через эти мокрые островерхие глыбы, отвесно обрывающиеся в бездну, одолел нависающий обрыв и теперь блаженно съезжает по крутизнам небесных снегов?

Увы, столь явственные воображению шаги не завершаются в кульминационный миг звонком в дверь (как бы терпеливо мы их про себя ни замедляли по мере их приближения), и мы вынуждены возвращать сына, чтобы он начинал подъем заново, а потом переносим его дальше назад, так что он вообще еще на командном пункте (палатки, неогороженные сортиры, черноногие дети-попрошайки), хотя мы давно уже ясно видели, как он пригнулся под тюльпанным деревом, срезая напрямик через газон к звонку, к двери. Словно устав от бесконечных вызовов родительского воображения, Ланс теперь бредет на фоне сурового пейзажа прифронтовой полосы, увязая в илестых лужах, всходит вверх по склону, оскользаясь на скалах, цепляясь за сухие травы. Еще несколько более легких уже бросков, а там и вершина. Высота взята. Наши потери тяжелы. Но как об этом оповестить? По телеграфу? Заказным письмом? И кто возьмет это на себя – нарочный гонец или обычный трудяга-почтарь с румяным носом, всегда чуть под мухой (свои у него печали)? Распишитесь вот здесь. Толстый большой палец. Маленький крестик. Бледный карандаш из светло-лиловой древесины. Верните, пожалуйста. Неразборчивая подпись трепещущего несчастья.

Но ничего не происходит. Пролетает месяц. У Шина и Шиллы все хорошо, нежная пара, – спят, свернувшись в один пушистый шар в своем ящике-гнезде. Ланс, после многих попыток, научился подманывать шиншилл – быстрыми, нежными, влажными «фсть» сквозь сложенные гузкой губы – так через соломинку всасывают остатки со дна бокала. Но родители так и не обучились этому звуку – высотой ошибаются, что ли? И такая нестерпимая тишина в Лансовой комнате, где потрепанные книги, и светлые, в пятнах, полки, и старые ботинки, и почти новая теннисная ракетка в несообразно прочном футляре, и пенсовая монетка на дне платяного шкафа – все вдруг подвергается призматическому таянию, но – подкрутить винт – и снова в фокусе. И Боки возвращаются на балкон. Достиг ли он цели, и если да, то видит ли нас?

4

Классический небожитель оперся локтем об убранный цветами карниз и сверху любителю игрушечной землей, этой наглядности ради замедленной юлой на фоне образцового небосвода, – так чиста, так радостна каждая черточка; раскрашенные

Ланселот. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru океаны, и молящаяся женщина Балтики, и моментальный снимок изысканных Америк, застигнутых в миг упражнения на трапедии, и Австралия – будто малютка Африка улеглась на бок. Среди моих сверстников найдутся люди, почти готовые к тому, что их души, вздыхая и трепеща, будут из Рая глядеть вниз на свою родную планету и увидят ее опоясанной широтами, стянутой меридианами, а то и покрытой, там и здесь, тучными, черными, бесовски загнутыми стрелами всемирных войн; либо же (что приятней) – в виде некоего подобия иллюстрированных карт наших каникулярных Эльдorado: тут – резервация с лупящим в барабан индейцем, там – дева в шортах, и повсюду рыболовы да конические елки, взбегающие на конические же горки. Но я думаю, что юный мой потомок, когда наступит первая его ночь там, вовне, в воображаемом безмолвии невообразимого мира, увидит поверхность нашего шара сквозь пучины атмосферы, то есть сквозь пыль, рассеянные отражения, туман и всякого рода оптические западни, так что материки, если вообще и проступят сквозь «переменную облачность», будут проплывать в подозрительных обличьях, удивляя неузнаваемыми очертаниями и необъяснимой раскраской.

Но все это пустяки. Главное же вот в чем: выдержит ли потрясение разум исследователя? Природу этого потрясения пытались постичь лишь в той степени, в какой это не угрожало собственному рассудку. Но если само постижение сути проблемы чревато ужасным риском, как выдержать и одолеть боль действительной встряски?

Первое, с чем придется столкнуться Лансу, это атавистический фактор. В сияющем небе окопались мифы, да так крепко, что здравый смысл предпочитает нездорового за их спинами не улавливать. Бессмертию нужна опора в виде звезды, если оно хочет цвести, ветвиться и служить насестом для тысяч синеперых райских птиц, поющих сладко, словно маленькие евнухи. Глубоко в нашем мозгу сидит мысль, что смерть – это синоним ухода с Земли. Преодолеть земное тяготение – это и есть стать вне всяких тягот, так что человек, попав на другую планету, воистину не сможет себе доказать, что он не умер, что простодушная старая сказка не обернулась былью.

Я не говорю о заурядной безволосой обезьяне, о ничему не удивляющемся болване, чье единственное воспоминание детства – это как его укусил мул, а единственное представление о будущем – грезы о столе и кровле. Я размышляю о человеке воображения и познания, чья отвага безгранична, ибо любопытство сильнее отваги. Ничто не обратит его вспять. Он – древний «сигіеих», [8] но крепче сложенный и сердцем поглубже. Дойдя до небесных тел, он найдет свою усладу в том, чтобы своими пальцами ощупать, вдохнуть запах, погладить, с улыбкой взглядеться, снова погладить (продолжая улыбаться от невыразимого, жалостливого, тающего удовольствия) никем доселе не осязавшееся вещество, из которого сотворен небесный объект. Всякий истинный ученый (не плутующая серость, прячущая единственный свой клад – невежество, как собака кость) наделен способностью испытывать чувственное удовольствие от свыше внушаемого непосредственного знания. Ему может быть двадцать, ему может быть восемьдесят пять, но без этого трепета нет науки. Ланселот сделан из такого теста.

До предела напрягая воображение, вижу, как он побеждает ужас, какого олух, пожалуй, не испытает никогда. Ланс может, конечно, высадиться в туче оранжевой пыли где-то в пустыне фарсис (если это пустыня) или близ какого-нибудь багрового лимана – Отдохновения либо Феникса (если это все же озера). Но с другой стороны... Видите ли, в подобных случаях бывает так: что-то надо решать сразу, смертельно и бесповоротно, тогда как другие обстоятельства возникают одно за другим и распутываются постепенно. Когда я был ребенком...

Когда мне было семь или восемь лет, мне снился, бывало, один, словно бы повторяющийся сон, действие которого разворачивалось на фоне особого пейзажа, истолковать и сколько-нибудь разумно осмыслить каковой я так и не могу, хоть и навидался разных стран. К этому сну я склонен теперь прибегнуть, дабы залатать зияющую дыру, кровоточащую рану моего рассказа. В этом пейзаже не было ничего нарочитого, ничего уродливого или даже вызывающего недоумение – было в нем какое-то ни на что не опиравшееся равновесие: какой-то плоский грунт, окутанный какой-то безучастной облачностью. Другими словами, скорее равнодушный затылок пейзажа, нежели его лицо. Порок моего сна заключался в том, что я по каким-то причинам не мог обойти данное пространство, чтобы познакомиться с ним, так сказать, на равных. Там, во мгле, таилась какая-то масса – что-то, например, кристаллическое – с очертаниями совершенно бессмысленными и гнетущими, и я все наполнял во сне какой-то сосуд (истолкован как «бадьа») какими-то более мелкими предметами (поняты как «галька»), а у меня идет носом кровь, но я слишком

Ланселот. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru нетерпелив и взвинчен, чтобы как-то совладать со всем этим. И всякий раз кто-то в этом сне начинал вопить у меня за спиной – и я просыпался с воплем же, продолжающим тот, ничейный, на той же начальной ноте взмывающего восторга, но уже без всякого смысла – если вообще был в нем смысл.

Возвращаясь к Лансу, я готов утверждать, что этот мой сон... – однако, странное дело, пока я перечитывал написанное, исчезла его основа – воспоминание как таковое, – и теперь уже навек. Даже себе самому я не мог бы теперь доказать, что за этим описанием стоит какой-то личный опыт. Хочу лишь сказать, что, когда Ланселот и его товарищи достигли своей планеты, они, быть может, испытали нечто сродни моему сну – который уже не мой.

5

И вот они вернулись! Сквозь неистовый дождь звонкокопытый всадник мчится по мощной улице к дому Боков и, резко осадив у ворот, возле плачущих лиродендронов, выкрикивает ошеломляющую новость, покуда Боки выдираются из дома, словно два грызуна семейства шиншилловых. Они вернулись! Вернулись звездоплыватели, астрофизики и один из естествоиспытателей (второй, Дании, умер и остался на Небесах – старый миф тут странным образом сбился).

На шестом этаже провинциальной больницы, тщательно огороженном от журналистов, г-ну и г-же Бок сказали, что их сын в маленькой приемной, вторая дверь направо, и готов их принять; в самом тоне этих слов звучало приглушенное благоговение, будто речь шла о каком-то сказочном короле. Просьба войти без шума; с вами будет сиделка, г-жа Кувер. О, с ним все в порядке, сказали им, на следующей неделе можно, собственно говоря, и домой. Но пока разрешается пробыть лишь несколько минут, и, пожалуйста, никаких вопросов – просто поболтайте о том, о сем. Вы ведь понимаете. А потом пообещайте зайти завтра или послезавтра.

Ланс в сером халате, коротко остриженный, изменился, не изменился, изменился, загар сошел, худой, с гигроскопической ватой в ноздрях, сидит на краю дивана, сцепив руки, чуть смущенный. Нетвердо, с гримасой улыбки, встает, садится снова. У сестры Кувер голубые глаза, а подбородка нет.

Набрякшее молчание. Потом Ланс говорит:

– Это было умопомрачительно. Прямо на диво. В ноябре возвращаюсь обратно.

Пауза.

– Кажется, – сказал г-н Бок, – у Шиллы будет приплод.

Быстрая улыбка, кивок удовлетворения: принято к сведению. Затем, повествовательным тоном:

– Je vais dire ça en français. Nous venions d'arriver...[9]

– Не забудьте показать письмо президента, – говорит г-жа Кувер.

– Как только мы туда попали, – продолжал Ланс, – а Дании был еще жив, так вот, первое, что мы с ним увидели...

Сестра Кувер, всполошившись, перебивает:

– Нет, нет, Ланс. Нет, пожалуйста, мадам. И дотрагиваться нельзя. Пожалуйста, приказ доктора!

Теплый висок, холодное ухо.

Г-на и г-жу Бок выпроваживают. Они быстро – хотя спешки нет, нет никакой спешки – идут по коридору, вдоль дрянных оливково-охристых стен, оливковый низ отделен от охряного верха непрерывной бурой полосой, идут к престарелому лифту. Вверх (мелькнул старец в кресле на колесиках). Возвращается обратно (Ланселен в ноябре). Вниз (старшие Боки). Тут, в кабине лифта, две умиленные женщины и предмет их лучезарной симпатии – молодая особа с младенцем. Это – если не считать лифтера, мрачного, седого, сутулого, ко всем стоящего спиной.

Итака, 1952

От переводчиков

Futurum Nabokov'i отличается значительным своеобразием. К теме будущего Набоков обращается многократно, что позволяет подметить общие и неизменные черты этого будущего.

В рассказе «Ланселот» потрясающую весть доставляет «звонкокопытый всадник», из чего мы вправе вывести, что ни телефонов, ни автомобилей в этой Америке будущего нет. Каким образом межзвездные путешественники (в том же рассказе) покрывают чудовищные космические расстояния, не раскрывается. Они «отбыли», они «в пути». Ни о каких ракетах нет и речи. В большей части произведений Набокова все рукотворные летательные аппараты по каким-то причинам исчезли из жизни. «Вещество устало. Сладко дремало время. Был один человек в городе, аптекарь, чей прадед, говорят, оставил запись о том, как купцы летали в Китай» («Приглашение на казнь», 1938). А вот концовка одного из английских рассказов, написанного в 1945 году, в которой речь идет о самолетах: «Удивительные чудовища, огромные летучие машины, их больше нет, они исчезли, как та станица лебедей, что весенней ночью, с величественным шелестом бесчисленных крыл, проплыла из неведомого в неведомое над Рыцарским озером в Мане: лебеди так и не описанного наукой вида, – их не знали раньше и не увидят впредь, – и вот уже пусто в небе, и лишь одинокое светило отсылает, как типографская звездочка, к вовек недосыгаемой сноске». Постепенно под сомнением оказывается электричество, каким-то образом влияющее на природу времени. В «футурологическом» романе «Ада» электричество изгнано совсем, а в «Бледном огне» есть намек, что оно – энергия душ умерших людей.

В этом контексте мы не можем воспринимать «Ланселота» как парафраз, а еще менее как пародию на научно-фантастическую тему. Прежде всего, в нем нет пародийного элемента, нет игры. Атрибуты расхожей американской фантастики 40-х – начала 50-х годов отвергаются брезгливо-декларативно. Рядиться в одежды пошлости, чтобы ее высмеять, Набоков не большой охотник.

Не следует усматривать в рассказе и «неомифологическую» разработку легенды о поисках Грааля, потому что разработки-то как раз и нет. Есть несколько фраз, где созвездия поэтически уподобляются рыцарям Круглого Стола. Набоков всегда скептически относился к красотам прошлого («сладкозвучная фальшь» – это как раз из «Ланселота», а о гигиенических обычаях былых веков он не может вспомнить без содрогания). Вдобавок рыцарь Ланселот Озерный (воспитанный феей на острове среди озера) в упоминаемом Набоковым романе Кретьена де Труа выступает в амплуа куртуазного любовника – к поискам Грааля он обращается в позднейшем (XIII в.) прозаическом цикле романов («История Грааля», «Мерлин», «Книга о Ланселоте Озерном» и др.). И хотя история нашего героя и его подвиги на пути к неведомой планете может быть сопоставлена с поисками мистической чаши Артуровыми рыцарями, однако в имени героя просматривается параллельная и, может быть, не менее убедительная символика. На протяжении рассказа он именуется Ланселотом всего два-три раза. Обычно он просто Ланс. Это слово означает копье (подобно которому герой устремляется в небо?), а в старинном употреблении означало также рядового воина с копьем. Рядовой науки – вот кто такой Ланс. Рыцарский элемент – это, прежде всего, еще один временной пласт повествования (Набоков нигде не обходится одним). Отец героя назвал сына в честь рыцаря Ланселота – поступок достаточно естественный для историка-медиевиста. Появление образов знаменитого средневекового романного цикла и даже цитат из него – что придает рассказу в целом своеобразный галльский колорит – это знак того, что рассказчик «включает» для нас внутренний мир Бока-старшего, мысленно пребывающего в эпохе «сарацинских войн», даже когда его гложет отчаянная тревога о сыне.

Переход от одного временного пласта к другому порой отчетлив, порой трудноуловим. Читатель переселяется из настоящего времени, тождественного мировосприятию рассказчика, в неопределенное будущее (окрашенное, впрочем, дымкой старины и старомодности). Это будущее преподносится читателю то через своего рода ясновидение демиурга-автора, то через сознание г-жи Бок, матери Ланселота, то через некое «мы», то, наконец, при посредничестве обращенного в прошлое профессора Бока. Единственный, кто не участвует в этой игре, – сам Ланселот. Взгляд на события с его точки зрения сразу разрушил бы загадки, которые нам загадывает автор.

Одна из них связана все с той же мучительной для Набокова темой времени. Закончив перечисление запретных аксессуаров, коими он пользоваться не будет, автор спрашивает не без ехидства: «Обсуждать проблему времени нет ведь

Ланселот. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru желающих?» И далее, с помощью упомянутой выше искусной игры временными пластами, он ловко отвлекает внимание от того факта, что сам неприметно (но решительно) вступил в обсуждение этой проблемы. В отличие едва ли не ото всех авторов научно-фантастических произведений, безропотно взявших на веру теорию относительности, из которой вытекает, что время полета к звездам должно соответствовать многим десятилетиям и векам земного времени, Набоков в рассказе «Ланселот» дает понять, что полет в оба конца занимает, по меркам нашей планеты, считанные недели: не успевает даже оценить себя шиншилла. При этом – никаких объяснений.

Набокову, чувствуется, было важно написать как раз то, что он написал, и тот, кому рассказ показался непонятным, пусть его перечитает – и тогда, возможно, авторская идея проступит «вроде того, как на загадочных картинках, где все нарочно спутано, однажды увиденное не может быть возвращено в хаос никогда» («Другие берега»).

Идея эта – в невозможности постижения мира, в недоступности недвусмысленной истины. Буквально накануне космической эры он предрекает ее наступление вместе со всеми проблемами, которые она поставит перед разумом (конечно, не в околоземной космонавтике, которая есть продленная авиация, а в настоящем, Дальнем Космосе).

Одно он знает твердо: все будет иначе, иначе, иначе. Прототипы грядущих ужасов спят глубоко в нашем сознании и покамест, к счастью, неизвлекаемы и неопознаваемы. Он знает, что развитие науки приведет к результатам, которые придут к нам не с той стороны, куда обращены наши ожидающие взоры; что нам лишь кажется, будто физические законы уже открыты – поскольку существующие версии пока не противоречат ограниченному нашему опыту (как не противоречила – и не противоречит – небесной механике Птолемея система, помещающая Землю в центр мироздания). Он уверен, наконец, хоть и не может этого обосновать, что открытие природы времени, если оно произойдет, заставит людей отказаться от многих достижений техники.

Вышесказанное – экстракт, разумеется, не из одного «Ланселота», а из всей «фантастики» Набокова. Но кончики этих воззрений прощупываются и в разбираемом рассказе, ибо они часть неслучайной, цельной системы.

Что увидели Ланс и Дании на той планете? «Колющие останки дикобраза»? Подобие сна Лансова предка-рассказчика? Нечто, намекающее на закольцованность времени? Автор либо не снисходит до нашего любопытства, либо слишком высокого мнения о нашей догадливости, либо не знает сам. У Ланса, похоже, шла носом кровь, как это случилось в детском сновидении рассказчика...

Все зыбко, все ненадежно. Человек, всю жизнь размышлявший: следует ли за смертью какое-то продолжение, перед самым концом «пришел в себя, жаловался на мучения и потом сказал (в комнате было полутемно из-за спущенных штор): „Какие глупости. Конечно, ничего потом нет“. Он вздохнул, прислушался к плеску и журчанию за окном и повторил необыкновенно отчетливо: „Ничего нет. Это так же ясно, как то, что идет дождь“. А между тем за окном играло на черепицах крыш весеннее солнце, небо было задумчиво и безоблачно, и верхняя квартирантка поливала цветы по краю своего балкона, и вода с журчанием стекала вниз» («Дар»).

...Биограф Себастьяна Найта никогда не узнает его подлинной жизни, если только они с Найтом – не одно лицо. События «Бледного огня» могут быть с равной степенью вероятности истолкованы четырьмя способами, и это – способ мышления Набокова.

Но место для надежды Набоков оставляет всегда. Оставлено оно и в «Ланселоте». Иначе разве поручил бы автор предку героя такой уверенный рассказ о потомке?

Перевод с английского и послесловие А. Горянина и М. Мейлаха

Примечания

1 в 3 номере «Звезды» за 1985 год была помещена статья Г. Молоткова и Л. Орлова под названием «Тихие диверсанты» с оскорбительными измышлениями по адресу одного из переводчиков и публикаторов рассказа В. Набокова «Ланселот» – М. Б. Мейлаха. Хотя нынешняя редакция «Звезды» и не имеет к тому материалу никакого отношения, мы все-таки считаем необходимым принести Михаилу Борисовичу искренние извинения за допущенный некогда «Звездой» выпад.

Ланселот. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

2 Моря (лат.). Здесь и далее примечания переводчиков.

3 Озера (лат.).

4 Ланселот Озерный – рыцарь, воспитанный Дамой Озера, герой романа Кретьена де Труа «Рыцарь телеги, или Ланселот» (1168). См. заключительную заметку.

5 Звезды альфа созвездия Тельца и альфа созвездия Ориона, обе первой звездной величины, красноватого цвета. Носят названия, происходящие от арабских «ал-даба-ран» – «идуший следом» (за Плеядами) и «байт ал-джавза» – «дом близнецов».

6 Серых вод (франц.).

7 Откуда не вернется чужак (старофранц.).

8 Любопытный (франц.).

9 Расскажу по-французски. Едва мы прибыли... (франц.)

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!